

Российская академия наук
Институт научной информации
по общественным наукам

ЧЕЛОВЕК: ОБРАЗ И СУЩНОСТЬ. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1990 года
Выходит 4 раза в год

**№ 3 (43)
2020**

Тема номера: *Homo scribens:*
Образ и саморефлексия автора
в европейской словесности

Учредитель:

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Центр гуманитарных научно-информационных исследований
ИНИОН РАН

Редакция

Главный редактор: Л.В. Скворцов – д-р филос. наук

Заместители главного редактора: Л.Р. Комалова – д-р филол. наук, Г.В. Хлебников – канд. филос. наук

Редакционная коллегия: В.З. Демьянков – д-р филол. наук (Россия, Москва); Х.В. Дзуцев – д-р социол. наук (Россия, Владикавказ); Ю.А. Кимелев – д-р филос. наук (Россия, Москва); И.В. Кондаков – д-р филос. наук (Россия, Москва); Т.Н. Красавченко – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.Е. Лепский – д-р психолог. наук (Россия, Москва); С.И. Масалова – д-р филос. наук (Россия, Ростов-на-Дону); А.Е. Махов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Л.И. Мозговой – д-р филос. наук (Украина, Славянск); А.В. Нагорная – д-р филол. наук (Россия, Москва); Н.Т. Пахсарьян – д-р филол. наук (Россия, Москва); Р.К. Потапова – д-р филол. наук (Россия, Москва); В.В. Потапов – д-р филол. наук (Россия, Москва); Э.Б. Яковлева – д-р филол. наук (Россия, Москва); А.М. Гагинский – канд. филос. наук (Россия, Москва); Р.С. Гранин – канд. филос. наук (Россия, Москва); В.Н. Желязкова – д-р филологии (Болгария, София); И.В. Кангро – д-р филологии (Латвия, Рига); М.Ю. Коноваленко – канд. психолог. наук (Россия, Москва); О.В. Кулешова – канд. филол. наук (Россия, Москва); О.А. Матвейчев – канд. филос. наук (Россия, Москва); Е.М. Миронеско-Белова – д-р филологии (Испания, Гранада); П.-Л. Талавера-Ибарра – д-р филологии (США, Остин); Чж. Цзыли – канд. пед. наук (Китай, Шанхай); Е.А. Цурганова – канд. филол. наук (Россия, Москва)

Ответственный редактор номера: Е.В. Лозинская

Ответственный секретарь: С.С. Сергеев

Журнал «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты»

включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-72547

ISSN 1728-9319

DOI: 10.31249/chel/2020.03.00

© «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», журнал, 2020

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук», 2020

Russian Academy of Sciences
Institute of Scientific Information
for Social Sciences

HUMAN BEING: IMAGE AND ESSENCE. HUMANITARIAN ASPECTS

SCHOLARLY JOURNAL

Published since 1990
4 issues per year

**№ 3 (43)
2020**

Theme of the issue:
Homo scribens:
Author's image and self-reflection
in the European literature

Founder:
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences, Centre of Humanitarian Scientific
and Informational Researches

Editorials

Editor-in-chief: Lev Skvortsov – DSn in Philosophy

Deputy editors-in-chief: Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology;
Georgiy Khlebnikov – PhD in Philosophy

Editorial board: Valery Demyankov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Hassan Dzutsev – Doctor of Science in Sociology (Russia, Vladikavkaz); Yuriy Kimelev – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Igor Kondakov – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Moscow); Tatiana Krasavchenko – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vladimir Lepsky – Doctor of Science in Psychology (Russia, Moscow); Svetlana Masalova – Doctor of Science in Philosophy (Russia, Rostov-on-Don); Aleksandr Makhov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Leonid Mozgovoj – Doctor of Science in Philosophy (Ukraine, Slavyansk); Alexandra Nagornaya – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Nataliya Pakhsariyan – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Rodmonga Potapova – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Vsevolod Potapov – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Emma Jakovleva – Doctor of Science in Philology (Russia, Moscow); Alexej Gaginsky – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Roman Granin – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Veselka Zhelyazkova – PhD in Philology (Bulgaria, Sofia); Ilze Kangro – PhD in Philology (Latvia, Riga); Marina Konovalenko – PhD in Psychology (Russia, Moscow); Olga Kuleshova – PhD in Philology (Russia, Moscow); Oleg Matveichev – PhD in Philosophy (Russia, Moscow); Elena Mironesko-Bielova – PhD in Philology (Spain, Granada); Pablo-Leonardo Talavera Ibarra – PhD in Philosophy (USA, Austin); Zhang Zi-Li – PhD in Pedagogical Science (China, Shanghai); Elena Tsurganova – PhD in Philology (Russia, Moscow).

Issue editor: Eugenia Lozinskaya

Executive secretary: Sergey Sergeev

Journal «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects»
is indexed in the Russian Science Citation Index
Journal is registered by the Federal service for supervision of communications,
information technology, and mass media, certificat: ПИ № ФС 77-72547

ISSN 1728-9319

DOI: 10.31249/chel/2020.03.00

© «Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects», journal, 2020
© FSBIS «Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты в поэтиках	9
<i>Махов А.Е.</i> Проблема подражания образцам в поэтологии французского классицизма.....	9
Творческий метод как образ мышления	27
<i>Котелевская В.В.</i> О повествовательном мышлении Томаса Бернхарда: «Вечное возвращение» и полифоническое письмо	27
<i>Раренко М.Б.</i> «Поворот винта»: Генри Джеймс как писатель и как критик	55
Писатель в тексте	68
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> Имплицитный автор и имплицитный читатель в романе рококо.....	68
<i>Зусман В.Г., Милова А.И.</i> «Человек пишущий» и «человек творящий» в прозе А.П. Чехова 1880–1888 гг.	83
<i>Амирян Т.Н.</i> Даниэль Пеннак: от детективов к автофикациональному роману.....	98

Писатель и его читатели: Парадоксы коммуникации	119
<i>Соколова Е.В.</i> Осцилляция образа: СМИ и В.Г. Зебальд о Писателе (у) П. Хандке.....	119
<i>Асписова О.С.</i> «Весь этот Гёте»: Культ и антикульт	144
Рецензии	170
<i>Жулькова К.А.</i> Автор и герой: Проблема идентификации. Рецензия на книгу: Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Венедикт Ерофеев: Посторонний	170

CONTENTS

Poets in the poetical treatises.....	9
<i>Makhov A.E.</i> The problem of imitating models in the poetology of French classicism.....	9
Creative method as way of thinking.....	27
<i>Kotelevskaya V.V.</i> On Thomas Bernhard's narrative thinking: «Eternal return» and a polyphonic writing.....	27
<i>Rarenko M.B.</i> The Turn of the Screw: Henry James as an author and a critic.....	55
The writer within the text.....	68
<i>Pakhsarian N.T.</i> Implied author and implied reader in rococo novel.....	68
<i>Zusman V., Milova A.</i> «Writing person» vs «creative person» in A.P. Chekhov's prose works of 1880–1888.....	83
<i>Amiryan T.N.</i> Daniel Pennac: From detective to autofiction.....	98
The writer and his readers: Paradoxes of communication.....	119
<i>Sokolova E.V.</i> Oscillation of the image: Images of “Writer” (by) Peter Handke in mass media and in W.G. Sebald's Essays	119
<i>Aspisova O.S.</i> All this Goethe: Cult and anticult	144

Reviews.....	170
<i>Zhulkova K.A. Author and the character: The identification problem (Book review: Lekmanov O., Sverdlov M., Simanovsky I. Venedikt Erofeev: The Outsider).....</i>	170

РЕЦЕНЗИИ

УДК: 821.161.1

DOI: 10.31249/chel/2020.03.10

Жулькова К.А.

**АВТОР И ГЕРОЙ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЛЕКМАНОВ О., СВЕРДЛОВ М.,
СИМАНОВСКИЙ И.**

ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ: ПОСТОРОННИЙ

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, zhulkova.karina@mail.ru*

Аннотация. Издание «Венедикт Ерофеев: Посторонний» О.А. Лекманова, М.И. Свердлова, И.Г. Симановского, завоевавшее в 2019 г. премию «Большая книга», представляет собой синтез биографических сведений (воспоминания современников, дневники, письма) и литературоведческого анализа поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки».

Ключевые слова: В. Ерофеев; биография; поэма «Москва – Петушки»; автор; лирический герой.

Поступила: 27.05.2020

Принята к печати: 22.06.2020

Zhulkova K.A.

**Author and the character: the identification problem
(Book review: Lekmanov O., Sverdlov M., Simanovsky I.
Venedikt Erofeev: the outsider)**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
zhulkova.karina@mail.ru*

Annotation. The book by O. Lekmanov, M. Sverdlov and I. Simanovsky «Venedikt Erofeev: the outsider», which won the Big Book National Literary Award in 2019, is a synthesis of Venedikt Erofeev's biography (memoirs of the contemporaries, diaries, letters) and a literary analysis of his poem Moskva-Petushki.

Keywords: V. Erofeev; biography; poem Moskva-Petushki; author; protagonist.

Received: 27.05.2020

Accepted: 22.06.2020

В декабре 2019 г. были названы лауреаты Национальной литературной премии «Большая книга», первое место присуждено коллективу авторов за биографическое издание «Венедикт Ерофеев: Посторонний». Как сказано в аннотации к изданию, Олег Лекманов, Михаил Свердлов и Илья Симановский – авторы первой биографии Венедикта Ерофеева (1938–1990), опираясь на множество собранных ими свидетельств современников, документы и воспоминания, попытались отделить правду от мифов, нарисовать портрет человека, стремившегося к абсолютной свободе и в прозе, и в жизни.

Безусловно, это была непростая работа. По признанию биографов, воссоздать немифологизированный путь Ерофеева было чрезвычайно сложно, так как «Веня наплодил уйму легенд, “дез” и апокрифов о себе, пестовал их и множил (...) Меж тем стараниями апостолов – его приятелей и почитателей – это “Евангелие от Ерофеева” получило широкое хождение (...) Отделить истинность от театрализации жизни непросто. Каков он настоящий, видимо, до конца не знает никто» [Иванов, 1998, с. 170].

Решая сложную задачу воспроизведения истинного облика писателя, привлекая для этого колоссальное количество фактического материала, авторы тем не менее создали портрет не столько фотографический, сколько живописный.

Живописность образа складывается благодаря сопоставлению автора и его героя. В основе книги лежит понимание того, что едва ли не больше и откровеннее, чем воспоминания, дневники, письма и другие документы эпохи, о Ерофееве говорит текст поэмы «Москва – Петушки». Именно поэтому параллельно истории жизни Венедикта Ерофеева разворачивается и «биография» лирического героя его поэмы Венички.

Синтез как метод изображения, основанный на чередовании биографических глав о жизненном пути Венедикта Ерофеева с филологическими фрагментами о его поэме, предопределил многократно возросший интерес, который зафиксировали книжные магазины после выхода литературной биографии Ерофеева, к его главной книге – «Москва – Петушки». Даже читателям, хорошо знакомым с «Москвой – Петушками», захотелось перечитать текст, взглянув на него по-новому.

Раскрывая «всю правду о жизни Венички Ерофеева и его автора», О.А. Лекманов в одном из интервью, вновь акцентируя внимание на взаимосвязи писателя и его героя, утверждал, что

«Веничка – это такой дистиллированный Ерофеев», и пояснял: «Многие сложности ерофеевского характера не были в этом образе отражены. Парадокс заключается в том, что это обернулось потерей части ерофеевского обаяния, потому что дистиллированный человек менее интересен, чем живой» [Кочеткова, Лекманов, 2018].

Органическое слияние «живого» автора с его «дистиллированным» персонажем приоткрывает тайну души «Постороннего».

В ретроспекции, направленной авторами литературной биографии на детство писателя, из значительных и незначительных деталей складывается представление о «живом» человеке.

Короткие зарисовки о детстве Вены (как называли Ерофеева дома) с очевидностью проявляют три основополагающих свойства его личности – «стремление к сбережению себя от внешнего мира, умение хранить в памяти бездну фактов и страсть к систематизации» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 43].

В трогательных и ироничных эпизодах обнаруживаются так рано проявившиеся личностные качества будущего писателя: феноменальная память, желание творить, тихий бунт против колlettivизма и жажда свободы.

Вот Вениамину около пяти лет, и сестры, желая удивить гостей, называют любую дату из отрывного календаря, а Вена с легкостью воспроизводит не только время восхода и захода солнца, но и все, что написано на обороте каждого из 365 листочеков [там же].

В том же возрасте на вопрос сестры «Веночка, что ты там все пишешь и пишешь?» – мальчик отвечает очень серьезно: «Записки сумасшедшего» [там же].

Или случай с уговорами вступить в пионеры: «Я говорю: «Веночка, ну почему ты не хочешь-то? Все же в пионеры вступают...» Он – голову вниз и отвечает: «А я не хочу!»» [там же, с. 48].

Сестры вспоминали, что в детском доме Вена мало участвовал в играх, детских «разборках», драках, предпочитая наблюдать. Он чувствовал себя не частью мира, в котором жил, а Посторонним.

Приехав поступать в МГУ, выйдя в Москве на Ленинградском вокзале, увидев огромное количество людей, машин, домов, Ерофеев «сел – и заплакал»: «...Он заплакал, потому что почувствовал себя никем. Песчинкой, выброшенной на берег» [Ерофеев, 2003, с. 494]. Университет, по его представлениям, «наш дворец – величавая крепость науки» из известной песни, тоже сразу разочаровал: «Когда я пришел в эту «величавую крепость», услышал:

“По отделениям! Делай – раз! По отделениям! Делай – три! Руки по швам”. И был немедленно разочарован» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 62]. Это «и был немедленно разочарован», заставляет вспомнить о знаменитом «и немедленно выпил» из «Москвы – Петушков» [Ерофеев, 2003, с. 132].

При этом родственники, друзья, знакомые единодушно утверждают, что человеком он был «исключительно искренним». Ни к кому не подлаживался и не вставал в позу, мог производить впечатление молчаливого, вместе с тем свободно вступал в разговор: «Он был очень свободный человек. Искренний и свободный», – так определил главное в своем университетском товарище Борис Успенский [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 86]. «Его ирония и безмятежность говорили об абсолютной свободе его умственного и душевного существования», – соглашается драматург и бард Юлий Ким [там же]. Подобным образом оценивает друга и поэт Вячеслав Улитин: «У него была вот такая, я бы сказал, свободная жизнь скорбящего человека. Скорбеть он считал самым главным делом».

«Свободная жизнь скорбящего человека» с очевидностью проявилась после первого же семестра обучения в университете. Блистательно сдав первую сессию: пятерка по античной литературе у самого С.И. Радцига, пятерки и по остальным предметам (введение в языкознание, устное народное творчество, логика и немецкий язык), во втором семестре Ерофеев вдруг потерял интерес к обучению, перестал посещать лекции, «вдруг превратился в мрачного затворника и целыми днями валялся на постели», «что-то писал, пряча тетрадь подушку», к весне «уже выкуривал по пачке папирос в день и мог выпить за раз бутылку красного вина» [там же, с. 74].

Есть ли ответы на вопросы: Что же произошло? В каких конкретных событиях следует искать если не глубинную причину, то хотя бы внешний повод для столь определенного (и первого в ряду многих) отказа Венедикта Ерофеева от пути, ведущего к успеху в общепринятом смысле слова? [там же, с. 75].

Гипотез в книге выдвинуто много. Однако «рабочей разгадкой» «ключевой внутренней загадки» Ерофеева авторы «Постороннего» считают все то же многократно повторяемое слово. «Самым главным в Ерофееве была свобода. Он достиг ее: видимо, одной из акций освобождения и был его уход из университета.

Состоянием души свобода быть не может, к ней надо постоянно пробиваться, и он работал в этом направлении всю жизнь», — писал о причинах пьянства и расставания с филологическим факультетом близкий друг Ерофеева филолог Владимир Муравьев [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 85].

Через три года после ухода из университета Ерофеев в записной книжке сочувственно процитирует высказывание Фридриха Ницше: «Я — человек, (...) который ищет и находит все свое счастье в постепенном, с каждым днем все более полном духовном освобождении. Возможно даже, что я больше хочу быть человеком духовно свободным, чем могу быть им», — и сделает к этой цитате приписку: «Незаменимо» [там же, с. 86].

Интересно, что еще не знакомая с автором «Москвы — Петушки» Белла Ахмадулина очень точно охарактеризовала писателя, взахлеб прочитав корректуру русского издания поэмы в 1977 г.: «Всю ночь я читала. (...) За окном и в окне был Париж. Не тогда ли я утвердилась в своей поговорке: Париж не стоит обедни? То есть (для непосвященных): нельзя поступиться даже малым свое-волием души — в интересах души. Автор «Москва — Петушки» знает это лучше других. Может быть, только он и знает (...) Так — не живут, не говорят, не пишут. Так может только один: Венедикт Ерофеев, это лишь его жизнь, равная стилю, его речь, всегда собственная, — его талант (...) “Свободный человек!” — вот первая мысль об авторе повести, смело сделавшем ее героя своим соименником, но отнюдь не двойником» [Ахмадулина, 1997, с. 140].

Неслучайно при встрече между Ерофеевым и Ахмадулиной возникли очень теплые (почти влюбленность) отношения, основанные на глубоком взаимопонимании, творческом взаимопроникновении.

Авторы «Постороннего», О.А. Лекманов, М.И. Свердлов и И.Г. Симановский, намеренно подчеркивают противоречивость мнений мемуаристов по вопросу совпадения / несовпадения автора и его героя.

«Они почти совпадают» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 24], — полагает поэт, писатель, филолог Ольга Седакова. «Когда первый раз, еще в рукописи, я читала “Москва — Петушки”, приняла их просто за дневник Венедикта», — вспоминает она. И неудивительно. Во многих героях Седакова легко угадывала хорошо знакомых людей и обстоятельства, о чем с большим юмором

рассказывает, цитируя поэму: «“…Пришел ко мне Боря с какой-то полуумной поэтессою, пришли Вадя с Лидой, Ледик с Володей. И принесли мне – что принесли? – две бутылки столичной и две банки фаршированных томатов” [Ерофеев, 2003, с. 152]. Через много лет я его спросила: почему ты меня назвал “полуумной”? – а он сказал: “Я ошибся наполовину”» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 204].

Выражая свое первое впечатление от писателя, «живого» Ерофеева, Седакова невольно вновь обращается и к «Петушкам»: «Меня (а мне было 19 лет, когда мы познакомились) его свобода от мира (не только от советского) ошеломила. Я думала, что такого не бывает (...) Не Толстой, не Платон, не Флоренский – Веничка в это время был для меня Учителем Жизни, и его лозунг “все должно идти медленно и неправильно” или, иначе говоря, “мы будем гибнуть откровенно” я считала единственно честной программой на будущее в окружающих нас обстоятельствах» [там же, с. 204–205].

Однако лозунг «мы будем гибнуть откровенно» «Учителя Жизни» ставится под сомнение учителем по фортепиано Ольги Седаковой, вспоминавшей: «Мой учитель фортепиано Владимир Иванович с печалью наблюдал за происходящим. И однажды, когда я пришла на занятие в слишком очевидном подпитии, сказал: «Как мне хотелось бы, чтобы рядом с вами оказался взрослый человек!» [там же, с. 205]. Поэт и прозаик Марк Фрейдкин, впервые увидевший Ерофеева в 1975 г. также высказывает непопулярное в творческой среде мнение о том, что это ерофеевское увлечение не стоит романтизировать: «Хотелось бы сказать несколько слов о пресловутом Венином пьянстве. В отличие от самого Вени и многих писавших о нем, я совершенно не склонен романтизировать и сакрализовать эту пагубную привычку. Все красивые рассуждения о “пьянстве как служении” и тем более о “пьяном Евангелии от Ерофеева” или даже о “сверхзаконном подвиге юродства” мне по меньшей мере не близки и попросту кажутся не очень умными, чтобы не сказать сильней. Собственно говори, в Венином клиническом случае это была не привычка и уж тем более никакое не служение, а тяжелая и практически неизлечимая болезнь, весьма, увы, распространенная как среди талантливых и неординарных людей, так и среди людей вполне заурядных, причем чаще всего низводящая первых на уровень вторых. Как бы то ни было, ее про-

явления в обоих вариантах очень мало различаются. Веня в этом смысле не представлял собой исключения и в пьяном виде если и не становился безобразным, как большинство из нас, то и особенно привлекательным его тоже не назовешь» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 260].

Сопоставления Ерофеева-человека с героем «Петушков» весьма противоречивы. «Веничка совсем не похож на Венедикта», – считает Елена Игнатова. А Жанна Герасимова утверждает: «Похож. Но не тот же самый. Веничка в “Петушках” все время в закрытом состоянии, в состоянии мышления и анализа. Ерофеев такой и был. Но в “Петушках” он этот анализ описывает, а в реальной жизни он никогда ничего не рассказывал. Я думаю, что в “Петушках” он открывал то, что у него внутри. Дух в “Петушках” – это его. Его аура» [там же, с. 24].

Таким образом, не являясь автобиографическим героем поэмы, автор «Москвы – Петушков» выступает в ней как лирический герой, смешая акцент с содержания на сознание, состояние, переживание.

Несмотря на несерьезность истории возникновения жанрового подзаголовка: «Меня попросили назвать это. Ну, хоть какнибудь (...) Ну, я пожал плечами, и первое, что мне взбрело в голову, было – “поэма”. И я сказал: “Если вы хотите, то пусть будет поэма”. Они сказали: “Нам один хрен, пусть будет поэма или повесть”, но я тогда подумал: поэма» [там же, с. 205], – совершенно очевидна важность этого определения для Ерофеева.

Безусловно, им подчеркивается связь с «Мертвыми душами», не раз отмеченная исследователями, критиками, читателями. Например, Юлий Ким свое знакомство с самиздатовскими «Москвой – Петушками» описывал так: «“Гоголь!” Потому что “Мертвые души” – поэма и “Петушки” – поэма. От восторга я даже сочинил стихи» [там же, с. 213]. Как тут не вспомнить и детское «писательство» Ерофеева, создание тех самых «Записок сумашедшего», навеянное единственной в доме книгой – «громадным растрепанным томом Гоголя» [там же, с. 43].

В «Москве – Петушках» электричка уподобляется гоголевской птице-тройке, а вопрос автора «Мертвых душ»: «Русь, куда несешься ты?» – получает иное, но сходное разрешение.

Авторы «Постороннего» справедливо полагают, что в любом литературоведческом контексте биография героя «Москвы – Пе-

тушков» Венички будет стоять особняком. Несмотря на то что в истории литературы, особенно новейшей, нередко встречаются сюжеты, переводящие биографическую линию героя в «литературное путешествие» [Гаспаров, Паперно, 1981, с. 387] (как в случае с Джимом Хокинсом и Холденом Колфилдом) или сокращающие ее до одного дня (как в случае с «Улиссом» Дж. Джойса и «Миссис Дэллоуэй» В. Бульф), ерофеевскую поэму можно считать уникальной: «Дело даже не в том, с какой виртуозностью в ней согласованы условия времени и места – суточный отсчет (с утра до ночи) с отсчетом пути (от Курского вокзала к Петушкам и обратно). Веничкина уникальность в другом: его биографическая логика определяется не чем иным, как “алкогольным” хронотопом; временной мерой и смысловым ритмом его дороги-судьбы является доза – то, сколько выпито» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 54].

Стихия пьянства в поэме вездесуща и может обернуться на любом уровне текста означающим или означаемым приемом, мотивировкой [Генис, 1999, с. 51], метафорой [Липовецкий, 2008, с. 296], мифом [Седакова, 1998], религиозно-философской идеей [Найман, 2004, с. 263; Липовецкий, 2008, с. 296–297]. Под знаком алкоголя линейная формула катастрофически сворачивается в кольцевую. Параллелизм первых и последних глав «придает композиции форму замкнутого круга» [Гаспаров, Паперно, 1981, с. 387]. Биография литературного персонажа не обязательно должна быть равна всей его жизни, от рождения до смерти, однако «Веничка, доза за дозой, проходит не просто однодневный, но именно жизненный круг от мучительного рождения заново к мученической “полной гибели всерьез”» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 55].

Герой намекает на некую тайну, которую вынашивает в себе. Веничка отказывается прямо говорить о ней: «Все, о чем вы говорите, все, что повседневно вас занимает, – мне бесконечно посторонне. Да. А о том, что меня занимает, – об этом никогда и никому не скажу ни слова. Может, из боязни прослыть стебанутым, может, еще отчего, но все-таки – ни слова» [Ерофеев, 2003, с. 144].

Какова же его заповедная мысль? Есть ли разгадка Веничкиного секрета?

Если не проникнуть в тайну, то приблизиться к ее пониманию помогает, по мысли авторов «Постороннего», слово «бездна».

Впервые оно возникает в поэме еще в главе «Москва – Серп и Молот», где звучит как бы вскользь, но «с тихой настойчивостью, с усилением интонационного напора, едва замаскированного комической ужимкой» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 144]: «Зато по вечерам – какие во мне бездны! – если, конечно, хорошо набраться за день – какие бездны во мне по вечерам!» [Ерофеев, 2003, с. 131]. Усилием аккорда служит оксюморон «подняться до бездны»: «...Если ты не подонок, ты всегда сумеешь к вечеру подняться до чего-нибудь, до какой-нибудь пустяшной бездны...» [там же].

По мере развития сюжета величина погружения в бездну возрастает. Познание бездны представлено в нескольких главах амбициозно и многожанрово: «До 33-го километра следуют “эссе”, “мысли”, “максимы” и “сентенции” об алкогольных пропорциях и дозах – в традиции французских моралистов; до Электроуглей разворачивается апологетический опус, доказывающий бытие Божие через непостижимость икотных интервалов; до 43-го километра – алхимический трактат, открывающий профанам рецепты чудодейственных эликсиров. От опыта и наблюдений (Черное – 33-й километр) Веничка восходит к умозрению и медитации (33-й километр – Электроугли), а затем спускается к народу с практическими дарами» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 149], – так постепенно наращивается и достигает кульминации прорыв в бездну.

Этап Веничкиной биографии, развернувшейся в главах от Есино до Орехово-Зуева, является ключевым и переломным. Здесь повествовательный вектор поэмы совершенно изменяется, как меняется порождаемый им мир, приемы и стиль. Линейное движение – будь то «травелог», «одиссея», «паломничество» или «квест» – становится круговым; явь превращается в сон, наваждение, бред. Время запутывается и срывается в провал, но «Веничка достигает кульминационной точки своего духовного развития и обретает всю полноту бытия» [там же, с. 186].

Именно на подъезде к Орехово-Зуеву встречаются несовместимые жанры – сказки «Тысяча и одной ночи» и «Откровение Иоанна Богослова»: «Рядом оказываются взаимоисключающие модусы сакрального и профанного, эротическая тема достигает обсценного предела, выпитое катастрофически извергается, смеющая, путая время и пространство. Здесь амплитуда раскачки “вы-

сокого – низкого” доходит до того максимума, после которого Веничкину логику с неизбежностью выбрасывает в алогизм; – в параноидальный „самовозрастающий логос”» [Ерофеев, 2003, с. 181], [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 200].

Однако «путь в глубину бреда» и встречи с «фигурами бреда» [Седакова, 1998, с. 357] только внешне напоминают «галиматью» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 299]. Последние главы поэмы четко выстроены в «единую, весьма сложную структуру» [Гаспаров, Паперно, 1981, с. 400], с кодами и «доминантой».

Главные коды поэмы не теряются в бреде, а напротив, актуализируются. Первые два кода – это мотивы судного дня и страстей Христовых. Перед Орехово-Зуево Веничка объявляет канун «избраннейшего из всех дней» [Ерофеев, 2003, с. 187], а после Усада уже должен испытать «личный апокалипсис» [Сухих, 2002, с. 225]. Если в начале «Москвы – Петушков» тема страстей Христовых имела скорее характер travestии, своего рода *parodia sacra*, то в финале путешествия приходит время «полной гибели всерьез». Для Венички как для пастернаковского Гамлета «неотвратим конец пути»: «такому, каков он есть, со своими грехами и своей виной, ему все же предстоит сыграть роль мучимого и казненного Христа, сыграть до конца» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 300–301].

Третий и четвертый коды – «это нисхождение Венички в ад, подобное Данту странствию по девяти кругам преисподней, и сопровождение героя вглубь, к дионасийским истокам трагедии. Девяти кругам “Inferno” в “Москве – Петушках” соответствуют девять последних Веничкиных встреч. Между темными Усадом и 113-м километром происходят первые встречи в преддверии ада – с искушающим Сатаной и загадывающим загадки Сфинксом. Оба как бы испытывают героя – готов ли он претерпеть страшные муки, дойти до предела боли?» [там же, с. 301].

До предела нагнетается ужас. В отличие от начальных главок, где Веничка претерпевал символическую казнь и знал об обещанном воскресении, теперь, в главках заключительных, в конце крестного пути его ждет не убийство (как от Митридата) и не бойня (как от рабочего и крестьянки), а именно казнь, но в воскресении ему уже отказано: «...С тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду» [Ерофеев, 2003, с. 218].

В обширной литературе о «Москве – Петушках» с особенной активностью обсуждается вопрос, связанный с этой казнью, – кто убийцы?

Среди множества догадок выделяются несколько наиболее интересных.

Самая экзотичная из них версия, предложенная Е. Ляховой и В. Тюпой: Веничку убили сами небесные ангелы, и среди них «не дождавшийся отцовских орехов умирающий (т.е. присоединяющийся к сонму ангелов) младенец» [Тюпа, Ляхова, 2001, с. 38]. Другие исследователи на место четырех «иксов» подставляют всадников Апокалипсиса [там же], животных «перед лицом Сидящего на престоле» из «Откровения Иоанна Богослова» [Власов, 2001, с. 544], серафимов из книг Иезекииля [Липовецкий, 2008, с. 306–312].

Ближе всего к ерофеевскому замыслу, по мнению биографов, гипотеза, выдвинутая Б. Гаспаровым и И. Паперно, согласно которой «в рожах убийц проглядывают лики вождей» – классиков марксизма-ленинизма; на это соответствие больше всего указаний: «что-то классическое» в лицах [Ерофеев, 2003, с. 214], «газеты» [там же, с. 215], «Кремлевская стена» [там же, с. 216].

Важной представляется авторам биографии и кафкианская ассоциация, связывающая финал «Москвы – Петушков» с финальной сценой «Процесса» Ф. Кафки [Левин, 1992, с. 489]; убийцы Венички сближаются с палачами, которые приходят за Йозефом К. [Павлова, Бройтман, 2001, с. 113–122] (с. 369). Поэт Юрий Кублановский также замечал, что не сталкивался прежде с «таким жанром, таким головокружительным бурлеском» и что «Москва – Петушки» «впечаталась» в его сознание «жуткой кафкианской концовкой» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 217].

Со слов филолога Андрея Зорина, создатель концепции карнавальной культуры, литературовед и мыслитель Михаил Бахтин «с восхищением» принял ерофеевскую поэму и сравнивши ее с «Мертвыми душами», однако, решительно не принял финал «Москвы – Петушков», в котором увидел «энтропию» [там же, с. 211].

Рассказ о смерти автора и повествователя «Москвы – Петушков» становится точкой схождения биографических и филологических фрагментов «Постороннего».

Трагический уход писателя, связанный с раком горла, неизбежно напоминает слова из последней главы его поэмы, оказав-

шиеся пророческими: «Они вонзили мне свое шило в самое горло. Я не знал, что есть на свете такая боль, я скорчился от муки» [Ерофеев, 2003, с. 218].

Роковым ударом для автора «Петушков» стал отказ в праве лечиться во Франции. Предложение французской стороны, взявшей на себя все издержки, в СССР отклонили, сославшись на то, что в 1963 г. Ерофеев не работал целый месяц и потому не имеет права выезда из страны.

Заключительные строчки «Постороннего»: «О свободном человеке, которому довелось жить в несвободной стране» [Лекманов, Свердлов, Симановский, 2019, с. 436], – согласуются с эпиграфом – стихотворением Всеволода Некрасова «Свобода», и создают завершенную кольцевую композицию, которую, однако, решимся разомкнуть, предоставив слово лирическому герою поэмы: «И если я когда-нибудь умру – а я очень скоро умру, я знаю, – умру, так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издали, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв, – умру, и Он меня спросит: “Хорошо ли было тебе там? Плохо ли тебе было?” – я буду молчать, опущу глаза и буду молчать, и эта немота знакома всем, кто знает исход многодневного и тяжелого похмелья. Ибо жизнь человеческая не есть ли минутное окосение души? и затмение души тоже?» [Ерофеев, 2003, с. 216].

Список литературы

- Ахмадулина Б. Миг бытия. – Москва : Аграф, 1997. – 300 с.
- Власов Э. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» : Спутник читателя // Ерофеев В. Москва – Петушки. – Москва : Вагриус, 2001. – С. 121–574.
- Гаспаров Б.М., Паперно И.М. «Встань иди» // Slavica Hierosolymitana. Slavic studies of the Hebrew university. – Иерусалим, 1981. – Vol. 5/6. – С. 387–400.
- Генис А. Иван Петрович умер. – Москва : Новое литературное обозрение, 1999. – 336 с.
- Ерофеев В. Мой очень жизненный путь. – Москва : Вагриус, 2003. – 656 с.
- Иванов А. Как стеклышико : Венедикт Ерофеев вблизи и издалече // Знамя. – Москва, 1998. – № 9. – С. 170–177.
- Кочеткова Н., Лекманов О. «Его знаменитый алкоголизм был экспериментом» : Вся правда о жизни Венички Ерофеева и его автора [Интервью с О. Лекмановым] // Lenta.ru [Электронное издание]. – Москва, 2018. – 24.10. – URL: <https://lenta.ru/articles/2018/10/24/venechka/> (дата обращения: 22.06.2020).

- Левин Ю. Семиотика Венички Ерофеева // Сборник статей к 70-летию профессора Ю.М. Лотмана. – Тарту : Тартуский университет, 1992. – С. 486–499.
- Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Венедикт Ерофеев : Посторонний. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. – 464 с. – (Литературные биографии).
- Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 840 с.
- Найман А. Оксфорд. ЦПКиО. – Москва : Вагриус, 2004. – 320 с.
- Павлова Н., Броитман С. Финал романа Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» (к проблеме : В. Ерофеев и Ф. Кафка) // Анализ одного произведения : «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – С. 113–122.
- Седакова О. Пир любви на «Шестьдесят пятом километре», или Иерусалим без Афин // Книжное обозрение. Ex libris НГ. – Москва , 1998. – № 41, октябрь. – URL: <http://www.olgasedakova.com/Moralia/294> (дата обращения: 22.06.2020).
- Сухих И. Заблудившаяся электричка // Звезда. – Санкт-Петербург, 2002. – № 12. – С. 220–229.
- Тюна В., Ляхова Е. Эстетическая модальность прозаической поэмы // Анализ одного произведения : «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – С. 34–44.

References

- Akhmadulina, B. (1997). *Mig Bytia*. Moscow, Agraf Publ.
- Vlasov, E. (2001). Bessmertania poema Venedikta Erofeeva ‘Moskva-Petushki’: Sputnik pisatelja. In V. Erofeev. *Moskva-Petushki* (pp. 121–574). Moscow, Vagrius Publ.
- Gasparov, B.M., & Paperno, I.A. (1981). Vstan I idi. *Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies of the Hebrew University* 5–6, 387–400.
- Genis, A. (1999). *Ivan Petrovich umer*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.
- Erofeev, V. (2003). *Moi ochen zhiznennyi put'*. Moscow: Vagrius Publ.
- Ivanov, A. (1998). Kak steklyshko: Venedikt Erofeev vblizi i izdaleche. *Znamya*, (9), 170–177.
- Kochetkova, N., & Lekmanov, O. (2018, October 24). «Ego znamenityi alkogolizm byl eksperimentom»: Vsa pravda o zhizni Venichki Erofeeva I ego avtora. Interview with O. Lekmanov. Retrieved from: <https://lenta.ru/articles/2018/10/24/venechka/>
- Levin, U. (1992). Semiotika Venichki Erofeeva. In *Sbornik statei k 70-letiu professora U.M. Lotmana* (pp. 486–499). Tartu, University of Tartu.
- Lekmanov, O., Sverdlov, M., & Simanovskii, I. (2019). *Venedikt Erofeev: Postoronnii*. Moscow, AST Publ.
- Lipovetskii, M. (2008). *Paralogii. Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoi kulture 1920–2000-kh godov*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.
- Naiman, A. (2004). *Oksford. TsPKiO*. Moscow, Vagrius Publ.
- Pavlova, N., & Broitman, S. (2001). Final romana Ven. Erofeeva ‘Moskva-Petушки’ (K probleme: V. Erofeev i F. Kafka). In *Analiz odnogo proizvedeniya: «Moskva – Petушки» Ven. Erofeeva* (pp. 113–122). Tver, Tver State University.

- Sedakova, O. (1998, Oktober) Pir lubvi na ‘Shestdesiat piatom kilometre’, ili Ierusalim bez Afin. *Knizhnoe obozrenie. Ex libris NG*, (41). Retrieved from: <http://www.olgasedakova.com/Moralia/294>
- Sukhikh, I. (2002). Zabludivshayasia elektrichka. *Zvezda* (12), 220–229.
- Tupa, V., & Liakhova, E. (2001). Esteticheskaiia modalnost prozaicheskoi poemy. In *Analisis odnogo proizvedenia: 'Moskva-Petushki' Ven. Erofeeva* (pp. 34–44). Tver, Tver State University.